

ПЕРЕВОДЫ

Научная статья

УДК 81:1

DOI: 10.46724/NOOS.2022.2.54-65

Ю. Трабант

ЯЗЫК И РЕВОЛЮЦИЯ¹

Аннотация. В статье рассмотрен феномен гильотины в контексте мировоззрения Французской революции через призму философской антропологии. Показана сложная дополнительность языка и мышления. Зафиксированы философский и филологический модусы отношения к языку в культуре. Раскрыт смысл антиномии языкового разума. Прослежена социально-политическая динамика языка в рамках Французской революции, закономерно завершившаяся его революционизацией и возникновением универсального языка. Следан вывод, что Франция первой совершила глобальную лингвистическую революцию, сделав свой язык всемирным.

Ключевые слова: язык, языковой разум, языковое мышление, революция, гильотина, Просвещение, правильный язык, универсальный язык, глобальная лингвистическая революция

Ссылка для цитирования: Трабант Ю. Язык и революция [перевод А. Н. Портнова] // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 3. С. 54—65.

Original article

J. Trabant

LANGUAGE AND REVOLUTION

Abstract. The article considers the phenomenon of the guillotine in the context of the worldview of the French Revolution through the prism of philosophical anthropology. The complex complementarity of language and thinking is shown. Philosophical and philological modes of attitude to language in culture are fixed. The meaning of the antinomy of linguistic reason is revealed. The socio-political dynamics of the language is traced within the framework of the French Revolution, which naturally ended with its revolutionization and the emergence of a universal language. The conclusion is drawn that France was the first to make a global linguistic revolution, making its language global.

Keywords: language, language mind, language thinking, revolution, guillotine, Enlightenment, correct language, universal language, global linguistic revolution

Citation Link: Trabant J. (2022) Yazyk i revolyutsiya [perevod A. N. Portnova] [Language and revolution: guillotine and language], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 3, pp. 54—65.

© Портнов А. Н., перевод на русский язык, 2022

¹ Перевод выполнен по изданию: Trabant, J. (2003). Sprache und Revolution, *Linguistik Online*, 13 (1). URL: <https://doi.org/10.13092/lo.13.883>.

Гильотина и язык. Гильотина — революционный прибор, драматически отсылающий нас к теме языка в эпоху революции, а именно — эта та смертельная опасность, которая грозит языку в революционном процессе. Гильотина содержит в себе основные принципы революции. Во-первых, гильотина, по сравнению с костром, виселицей или четвертованием, — прогрессивна (*le progrès*). Во-вторых, обезглавливание — аристократический способ отправиться в мир иной, который в эпоху революции становится общедоступным (*la République*). Кроме того, с помощью гильотины можно быстро отправить на тот свет большое количество людей. Поэтому гильотина вдвойне демократична. В-третьих, и это нас интересует здесь в первую очередь, гильотина служит для наказания преступлений против революции как раз в том месте, где они зарождаются, — в голове. То, что противопоставляет себя прогрессу и республике, находится именно в головах людей: предрассудки (*le préjugé*). Ясный свет Просвещения призван устранить это. *Le préjugé* — это затмение мышления, которое Просвещение хотело бы изгнать с помощью ясного света. Гильотина — последнее средство устранить в головах ложное, дикое мышление. Если больше ничто не помогает, то гильотина удаляет темноту и дикость мышления.

У французских революционеров язык находится в центре триады, образуемой Прогрессом, Демократией и Просвещением. Но он же являет собой проблему, затруднение для прогресса, демократии и просвещения. Французские интеллектуалы, столпы французской революции, глубоко убеждены, что язык и мышление теснейшим образом связаны друг с другом, поэтому в воплощении научно-философского мышления, которого требовала французская революция, язык играет центральную роль и, следовательно, он требует особого внимания. Если язык влияет на мышление и наоборот, то эта проблема должна получить правильное решение, чтобы стало возможным достижение истинного знания, осуществление науки и революции. Очищение языка — одновременно и есть тот способ, которым достигается просвещение голов и тем самым создание просвещенных обстоятельств в политической реальности.

Язык, таково убеждение просвещенных французских интеллектуалов, не только средство для обозначения мыслей и сообщения их другим. Таково было распространенное классическое понимание природы языка в Европе начиная с Аристотеля, за него еще держались старомодные рационалисты, то был лингвистический *Ancien Régime*. Согласно новым теориям, язык встроен в человека гораздо глубже и опаснее, глубже — потому, что он не только материальное средство коммуникации, но сам и есть мышление, а опаснее — потому, что мышление, привязанное к языку, — не рационально и не научно. Это устарелое и дикое мышление, которое к тому же отличается в зависимости от используемого языка. Согласно устарелым теориям, язык не представлял никакой проблемы для науки, ведь он служил для передачи мыслей, которые возникли без его участия. Теперь же оказывается, что язык вмешивается в мышление. Все люди, озабоченные прогрессом науки, *advancement of science*, по Бэкону, отцу-основателю Просвещения, должны следить за тем, чтобы это мышление, порожденное языком, не влияло на истинность научного мышления.

Язык и мышление. Представление о том, что язык и мышление тесно связаны друг с другом, является сравнительно новым; оно начало развиваться вместе с гуманизмом. Вероятно, можно было бы сказать, что в античности к этой интуиции наиболее близко подошла риторика (или рефлексия над языком в

стиле риторики Цицерона). Философия же, то есть Аристотель, чей «Органон» и его вторая часть «Об истолковании» определяли европейское мышление в течение многих столетий, учила, что все люди мыслят одинаково, что они образуют одинаковые понятия о вещах и обозначают эти универсальные мысли с помощью слов, чтобы сообщать их другим. Слова — это только звуки (*phonaí, voces*), они различаются от языка к языку и в силу традиции (*kata synthéken*) связываются с универсальными представлениями. Они только знаки, и в качестве таковых не представляют ничего такого, чтобы могло заинтересовать мыслящего человека.

Различия в языках. Такое представление о языке как раз и соответствует функционированию языка в повседневной жизни и практическому обращению с языком. Оно хорошо работает в таком мире, каким было европейское Средневековье, где все люди, сталкивающиеся с более высокими духовными и лингвистическими проблемами, говорили и писали на одном языке. Соответственно у них почти не было опыта языковых различий. Напротив, везде царил «католический», то есть универсальный язык. Но он начинает хуже работать, когда несколько языков начинают конкурировать друг с другом, особенно когда в поле зрения попадают языки с действительно различной структурой. Первый случай имеет место тогда, когда европейские народные языки начинают отвоевывать у латинского роль языков образования. В Европе это происходит в XVI веке. И тогда-то языки, употребляемые для высших целей, начинают восприниматься как нечто особенное — не просто как особое звучание (*vox*), но как особое «содержание». А второй — когда Европа соприкасается с языками, глубоко отличными от привычных. Например, когда она осмысливает опыт соприкосновения с Америкой. Тогда оказывается невозможным не заметить, что мышление людей, говорящих на этих американских языках, столь отличающихся от европейских, также существенно отличается от европейского. Если оказывается весьма непросто передать на этих языках такие идеи, как «Святой дух», «Святая церковь» (первоначально речь шла именно об этом), то стало понятно, что эти языки семантически устроены иначе, что они не просто различные *voces* (звуки, голоса — *A. П.*), как считал Аристотель, но и *conceptus* (представление, понятие — *A. П.*) отличается от языка к языку.

Опыт различий между языками постепенно приводит к иному пониманию языка. Европейцы замечают, что в разных языках существует неодинаковая семантика. Таким образом, для мышления не является безразличным, говорю ли я на немецком или латинском, тем более на таких языках, как науатл или делаварский.

Антиномии языкового разума. Для философов, которые со времен Аристотеля были убеждены в универсальности мышления и его независимости от языка, это оказалось шоком. В «Диалоге о языках» (1542) итальянского писателя Сперони, идея различия мышления в зависимости от используемого языка отвергается с негодованием. Филологи-гуманисты восхваляли классические языки, но, разумеется, только их, считая их чем-то совершенно особенным — и для мышления тоже, чем-то, что заслуживает особой любви и особого ухода за языком (*amore della lingua, cura della lingua*). Философ, выведенный в диалоге, и представляющий новое (естество)знание, резко отвергает идею различия мышления и утверждает, цитируя Аристотеля, что не имеет никакого значения, на каком языке говорят, поскольку мышление людей везде одинаково.

В этом споре между гуманистами и учеными-естественниками, между филологией — любовью к языку и философией, которая в этом случае ясно формулирует свою ненависть к языку (*odio delle lingue*), высвечивается то, что вслед за Б. Шлибен-Ланге я называю антиномией языкового разума: это противоположность между двумя противостоящими друг другу трактовками языка, которые спорят между собой с XVI века. Это именно антиномия, так как обе точки зрения верны, и невозможно найти нечто третье, что соединяло бы эти противоположности. С одной стороны, язык есть (или должен быть) произвольным знаком, отсылкой к универсальным понятиям и предметам, обозначением объективной действительности. При этом особенности отдельных языков несущественны. Для того чтобы действовать и ориентироваться в мире, для того чтобы наука и техника могли успешно воздействовать на мир, мы должны достаточно точно его описывать. Именно так язык и должен функционировать в мире, и именно в таком виде он нравится философии (логике).

С другой же стороны, язык представляет собой особое фонетическо-когнитивное образование, субъективное понимание мира, исторически своеобразный взгляд на мир, представляющий этот мир под особым углом зрения. Это понимание характеризует в основном сам язык и то, как он создает мир, оно не редуцирует его особенность для достижения однозначного обозначения; напротив, оно радуется тому, что язык таков, каков он есть, счастливо, что в своем своеобразии он цветет и лучится. Именно так функционирует язык в поэзии, но также и в других литературных жанрах, например в истории. Так видят язык филологи.

Французская революция знакома с этой антиномией, и она, в конечном счете, приводит к ее неудаче. Революция не могла с ней справиться. Она хотела бы разрешить ее в смысле знакового толкования языка. А это порождает то самое насилие, на которое я указывал выше в связи с гильотиной. У Французской республики нет терпимости к различным способам мышления и говорения в том виде, в каком они обнаруживаются в разных языках, у нее нет чувства языка, нет ощущения поэтического в языке. Французская революция — это философия, а не филология. Поэтому она стремилась устранить всякое языковое мышление, которое отклонялось от науки и истины. И в этом она добилась немалых успехов. Мы помним, что революции пожирают своих детей. Но об этом в самом конце статьи.

Idola fori. Первым философом, который осознал, что язык есть также мышление или же, как выразился позднее Гердер, к языку «приклеено» мышление, был Фрэнсис Бэкон, анализировавший зависимость мышления от языка. Естественные языки, полагал он, создают семантические величины, соответствующие простонародному мышлению — *captus vulgi*; однако они противоречат мышлению научному. Слова организуют предметы соответственно простонародному стилю мышления, а не соответственно научным принципам; слова вмещиваются в рациональное мышление:

«Люди верят, что их разум повелевает словами. Но бывает и так, что слова обращают свою силу против разума. Это сделало науки и философию софистическими и бездейственными. Большая же часть слов имеет своим источником обычное мнение и разделяет вещи в границах, наиболее очевидных для разума толпы. Когда же более острый разум и более прилежное наблюдение **хотят**

пересмотреть эти границы, чтобы они более соответствовали природе, слова становятся помехой» [Бэкон, 1978: 25] (выделено мной — *А. П.*).

Таким образом, Бэкон открыл то, что Мартине назвал «первым членением» — семантически-когнитивное членение мира с помощью народного языка. Тем самым он открыл, что мышление привязано к языку. Нас, лингвистов, это восхищает, поскольку нашей задачей является описание мышления человека, как оно отложилось в языках. Тем самым Бэкон выступает в качестве отца-основателя нашей науки. Но это непереносимо для философа, который, как это принято, стремится к всеобщей истине. А ведь Бэкон был философом, новым Аристотелем, который без всякой скромности назвал свое сочинение «Новый Органон» и установил, что значения языка представляют собой одну из главных преград на пути познания истины. Эти народные способы классификации явлений мира не совпадают с результатами науки. Эти семантические величины, порожденные языком и связанные со словами, мешают научному мышлению (*verba obstrepunt* — «слова мешают»). Бэкон называет их *idola fori*, идолами рынка. Это наихудшие из всех *idola*, изо всех призраков, которые противостоят Новой Науке. *Idola* Бэкона соответствуют тому, что французское Просвещение называет *le préjugé*. Вот он враг — старое, дикое, и темное мышление! Свет науки призван покончить с ним, если необходимо, то и с помощью гильотины, этой последней и окончательной просветительницы. Языковые идолы возникли на рыночной площади, в толчее и болтовне необразованного народа, а не в профессорских кабинетах. Поэтому они ложные боги, именно — языческие кумиры, противостоящие подлинному мышлению. Бэкону, как каждому настоящему миссионеру, важно изгнать этих старых дурацких божков, чтобы их место заняли Истина, Настоящее Знание, Подлинный Дух. Ученый должен таким образом реформировать народный язык, чтобы он соответствовал воззрениям *Homines docti*, образованных людей, иными словами, объективной действительности. Язык науки должен отражать истинную, «естественную» структуру мира, *secundum naturam* (следуя природе — *А. П.*) Здесь легко узнается основная идея аналитической философии, критика языка, которую заново изобрели Фреге и ранний Витгенштейн, борьба философии против языка. Собственно говоря, это не менялось с 1620 года. Именно это истолкование когнитивной силы народного языка — *vis verborum super intellectum* (власть слов над разумом — *А. П.*) — и породило ярость против языка и реформаторское рвение французских революционеров: в языке нашло свое отражение мышление, но оно донаучно, или, что то же самое, дореволюционно, *idola fori*, призраки рынка. Их следует изгнать именем революции, или, что то же самое, — именем науки.

Imperfection и *génie de la langue*. Взгляды Французской революции на язык были подготовлены главным образом двумя авторами — Локком и Кондильяком. Джон Локк в конце XVII века систематически развил интуиции Бэкона о языковой природе мышления, соединив это с тонкими наблюдениями над семантическими различиями отдельных языков. Локк обращает внимание на неточность семантики отдельных языков, на их *imperfection*, на несовершенство языка, делающее его малопригодным для научных целей. Он предлагает реформу языка для его использования в науке [Локк, 1985].

Во Франции XVII века Локк был очень известный мыслитель. Его «Опыт о человеческом разумении» появился в 1700 году в роскошном французском

переводе, выполненном Пьером Костом, и с тех пор стал основной книгой французской философии.

Лейбниц прокомментировал «Опыт» слово за словом. Для Франции же было очень важно, что Кондильяк, исправляя Локка, в «Опыте о происхождении человеческого знания» (1746) ставит язык в центр своей теории возникновения мышления человека. Эта книга Кондильяка [Кондильяк, 1980] становится в XVIII веке «новым органом» французов. Каждый прогрессивный французский интеллигент ее читал или, по крайней мере, знал, о чем там идет речь. Тем самым она должна рассматриваться в качестве фундаментальной для Французской революции книги, хотя в этом качестве ее обычно едва замечали, поскольку историография всегда указывала только на книги эксплицитно политического содержания.

После чтения Кондильяка французы узнали о языке следующее: он не есть порождение высшего уровня разума, но появляется уже на начальной ступени развития духа. Мышление возникает в теле и постепенно поднимается до ступени чистой рациональности. Язык же возникает из телесного источника мышления, из фантазии. Он представляет собой соединение представлений фантазии со звуками. Язык тесно связан с мышлением, но оно еще не соответствует высоко развитой рациональности. Представления, связанные с языком, довольно неопределенны, *indéterminées*, и отличаются от языка к языку, по меньшей мере, так называемые комплексные идеи, особенно «*notions archétypes*», представления о социальных явлениях. Говоря современным языком, они являются — в зависимости от используемого языка — различными комбинациями сем. В отличие от Локка, у Кондильяка мы видим определенную симпатию по отношению к индивидуальности каждого языка. Он называет это «*génie de la langue*». Это важно отметить уже и потому, что французские революционеры первоначально обнаруживали определенную симпатию по отношению к различным языкам Франции. Во время опроса, который провел в 1790 году аббат Грегуар², министр культуры якобинцев, ряд опрошенных интеллигентов выказали понимание и уважение по отношению к региональным языкам Франции.

В процессе восхождения к разуму и науке дух должен оставить позади все эти ненаучные представления, неопределенные и неуниверсальные «гении языка». Для прогресса науки важно избавиться от недостатков языка, а ради рациональности нужно преодолеть фантазию, ради светочей, *lumières* нужно изгнать тьму, для достижения универсальной истины нужно оставить все частные взгляды на мир, и именно так: неопределенность значений слов нужно уточнить с помощью научной определенности. Так, например, точное научное исследование мира должно доставить нам точные представления о предметах природы. А разумное соглашение между говорящими обеспечивает разумную коммуникацию о предметах, имеющих общественное значение. Наука и разум устраняют

---

² Grégoire Henri Jean-Baptiste (1750—1831), священник-иезуит. Деревенский священник, затем депутат Генеральных Штатов, где примкнул к фракции третьего сословия. Депутат Конвента, член якобинского клуба. Вместе с тем отказался сложить с себя сан священника, требовал в Конвенте отмены рабовладения, свободы вероисповедования и отправления культов, чего и добился в 1795 году. Отказался принять из рук Наполеона орден офицера Почетного легиона и звание графа Империи. (Примечание переводчика. — А. П.).

вместе с неопределенностью языка также и его исторические особенности, делают язык универсально разумным.

Язык в эпоху революции. Итак, французские интеллектуалы были хорошо осведомлены о природе языка, когда они принялись переустраивать мир согласно научным принципам. Первоначально они были полны оптимизма и рассчитывали, что разумные люди достигнут единства в вопросе о значениях слов — либо в процессе познания мира, либо придя к соглашению о значениях терминов о предметах, имеющих общественное значение. Разум сам разрешит антиномию языкового мышления. Сам Локк представлял это себе следующим образом: в повседневной жизни спокойно можно пользоваться неточным народным языком, но там, где речь идет о научных и философских предметах, разумные люди, *the understanding men*, должны прояснить семантику повседневного языка.

Политическая повседневность оказалась гораздо более суровой, чем вдохновенные страницы «Опытов» Локка или Кондильяка. В эпоху Французской революции сама повседневность стала философской: каждодневная общественная жизнь перестраивалась заново согласно научно-философским принципам. Поэтому старый язык более не был приемлем.

*Universaliser le français*³. Сначала симпатии Кондильяка по отношению к различным языкам и их «гениям» приходят в противоречие с действительным или выдуманым сопротивлением языков по отношению к революции: информация из Парижа не доходит до говорящих на иных языках, то есть такие люди не участвуют в демократическом процессе. Разумеется, коммуникация — центральная политическая проблема для демократии. Первоначально Французская революция пыталась довести свои завоевания до народов Франции с помощью их же различных языков. Но скоро выясняется, что это технически плохо осуществимо. Но даже если бы это удалось, то было бы нежелательно с политической и философской точки зрения, так как все языки Франции кроме французского — контрреволюционны. Это подозрение в контрреволюционности имеет двойную причину. Прежде всего, внешнеполитическую. Другие языки могут служить целям внешних врагов. «Министр пропаганды» Барер предъявляет им в 1794 году следующий упрек: «Федерализм и предрассудки говорят на нижнебретонском; эмиграция и ненависть к республике — на итальянском, а фанатизм говорит по-баскски».

Затем следуют подозрения философского характера. Диалекты и языки Франции реакционны в принципе. Они принадлежат *eo ipso* старому непросвещенному миру, в этом своем качестве они противопоставляют себя научному духу, «или же, что то же самое, старому политическому порядку. Барер называет их «*instruments de dommage et d'erreur*» — «орудиями разрушения и ошибок», которые следует уничтожить. Поэтому революционный грамматист Домерг (и вслед за ним уже упомянутый Грегуар) требуют уничтожения диалектов, региональных языков, языковой унификации Франции: «уничтожим местные наречия, как мы уничтожили провинции», поскольку «*La République, une et indivisible dans son territoire et dans son système politique; doit être une et indivisible dans son*

³ «Сделать французский всемирным».

langage»⁴. Но как это сделать, как убрать из голов французов старые языки и связанное с ними контрреволюционное мышление? Грегуар пишет в своем отчете о языковой ситуации в республике в 1794 году, что более шести миллионов французов не знают французского языка. Невозможно обезглавить треть французов, чтобы убрать из их голов баскский, фламандский, немецкий, бретонский, итальянский, каталонский, аквитанский языки. Гильотинирование никогда не рассматривалось в этой связи серьезно, но изучалась возможность переселения. Но и оно не состоялось. Была принята другая стратегия: французы должны изучать французский язык. Другими словами: школьный проект должен стать центром языковой политики. Только тогда, когда все французы будут понимать по-французски, а затем говорить и писать на этом языке, республика может надеяться на то, что все головы думают по-республикански. Итак, изучение языка решает проблему общения, оно разрывает связи с враждебным зарубежьем, и оно устраняет антинаучные предрассудки, отложившиеся в старых реакционных языках. Французы, говорящие на других языках, представляются просвещенным революционным парижанам «дикарями», *sauvages*, то есть чуждыми народами на французской территории, которые еще не достигли того уровня цивилизации, на котором находится Республика. Дети дикарей (*enfants sauvages*) в процессе воспитания должны были превращаться в *enfants sages*, в мудрых детей, но для этого их надо было отучить от *langues sauvages* и одарить их *langue sage* или *Langue de Liberté* (мудрым языком или Языком Свободы — *А. П.*). Правда, это произошло не так быстро, как первоначально предполагали. Это дело заняло полтора столетия, пока *enfants sauvages* не превратились в добрых французских *enfants sages*. Только Третья республика сумела закончить этот процесс.

*Révolutionner Le Français*⁵. Если проблема различия языков получила бы свое разрешение, то остался бы только французский язык — как говорили тогда, «универсальный язык просвещенной Республики» (*Universaliser le français*), таково было программное требование языковой политики революции. Но и универсализация французского языка не решает проблему окончательно. Элиминация «диких языков» устраняет самые опасные источники предрассудков. Но сам французский язык содержит в себе источники заблуждения, *idola fori*, от которых необходимо избавиться. Французский язык необходимо реформировать или, как тогда говорили, — «революционизировать».

В пылу революционной борьбы исчезла не только симпатия к региональным языкам, но и к французскому, то есть к тому «неопределенному», ненаучному, устаревшему мышлению, которое содержалось в нем как в одном из народных языков. Ведь роялистская либо всякая иная оппозиция, которая говорила на французском языке, просто-напросто не желала отказываться от старого мышления. Эти франкоговорящие контрреволюционеры все еще мыслили себе «*le roi*», тогда как давно нужно было мыслить этот предмет как «*le tyran*». Старое, ненаучное, нецивилизованное мышление, старые идолы, *idola fori* устаревшего языка — *oldspeak*, все еще оставалось в головах французов.

---

⁴ «Республика, единая и неделимая в отношении своей территории и своей политической системы, должна быть едина и неделима в отношении своего языка». — *А. П.*

⁵ «Революционизировать французский».

Во-первых, пришлось работать над самим языком — так, как предлагали Локк и Кондильяк. Была выработана новая революционная семантика, нашедшая свое отражение, например, в революционных словарях. Вместе с реформой языка, которая предполагала сближение мышления, отложившегося в словах, с правильными идеями, возник новый, правильный язык — *newspeak*. Язык, реформированный таким образом, становится универсальным, так как его семантика соответствует универсальным идеям. Язык, подвергшийся реформированию в соответствии с принципами разума и науки, отныне не является одним из исторически сложившихся партикулярных языков, но языком универсальным. Подвергшийся реформированию в ходе политической революции французский язык больше не является «français», но «universalais» или «humanais»⁶.

Поскольку он стал выше всех языков человечества, которые посланы человечеству в наказание после строительства вавилонской башни, то этот универсальный французский язык стал также и языком нового рая.

Французская революция являлась, согласно религиозным мифам, которые сыграли огромную роль в становлении этой Новой Церкви, новым провозвестием. Но апостолы несли людям радостную весть на многих языках. Революция поступает иначе. Она идет радикальным путем: избавляется от вавилонского проклятия и создает свой Новый Рай с единственным языком, который она революционно трансформирует в «естественный язык» человечества. Революционизированный французский язык становится теперь новой *lingua adamica*.

Затем, однако, требуются дальнейшие усилия для осуществления этого лингвистического рая: французам необходимо привить новую революционную семантику. Так же как и в случае вредных иностранных языков, нужно предпринять усилия, чтобы привить представления революции. Этим должны заняться *ecoles normales* и *ecoles centrales*. Создание главной «Нормальной школы» и сети «Центральных школ» во всех департаментах страны преследовало цель воспитать новую элиту — *les enfants sages* — «мудрых детей» в духе революционности. Само собой разумеется, что в основу этого преподавания легла вышеописанная теория познания, и она же преподавалась в эксплицитном виде. Она базировалась на идеях Кондильяка, в ее основе лежало восхождение от чувственного восприятия к просвещению и разуму с помощью языка. В этих школах *les enfants sages* должны были быть освобождены от любой формы дикости. Они должны были подняться к научной форме рациональности. И если у них еще остаются дикие представления, то они изгоняются при помощи научной учебной программы, направленной на изучение языка прогресса, демократии и просвещения.

Итак, Французская революция представляет собой проект мирового масштаба по изготовлению *enfants sages* из *enfants sauvages* и изгнанию из их голов последних остатков дикости, а именно с помощью французского как универсального, а не исторического языка.

Глобальная лингвистическая революция⁷. Франция в процессе своего исторического развития, запущенного Революцией, поставила на один полюс языковой автономии: на единственный язык, на язык научный, на язык рая. Она

⁶ «Всемирным» или «языком всего человечества».

⁷ Современный политико-лингвистический дискурс рассматриваемой проблемы представлен в работах [Schlieben-Lange, 1996; Trabant, 2002].

не питала никаких симпатий к другим языкам, тем более к ситуации после вавилонского смешения языков. Она не питала никакой любви даже к собственному, французскому языку, но подчинила его науке, просвещению, разуму. *Douceur angevine* (анжуйская нежность), который Дюбелле⁸ ценил во французском языке, Франция не включила в свой языковой миф, его место заняло *clarté*, (ясность, прозрачность — *A. П.*), то есть ориентация на вполне сознательную прозрачность языка, что в конечном счете означает исчезновение языка. *Clarté* означает у всех авторов, которые к нему обращаются, то, что французский язык идентичен универсальному мышлению. Если мы говорим по-французски, то это значит, если следовать идеям Аристотеля, мы думаем на универсальном языке человечества. Таким образом, французский язык вовсе не «французский», а «всемирный».

В лингвистических вопросах Франция следовала общему направлению своей революции: она стремилась к тому, чтобы ее язык стал как можно более научным, унифицированным, универсальным. Удивительно тем не менее что революция обогнала французский язык. Универсальным языком науки, техники и вообще всей рациональной деятельности стал английский. Собственно говоря, Франция в духе своей рациональной традиции должна была бы радостно приветствовать этот очищенный глобальный язык, а от своего, уже устаревшего языка, отказаться, подобно тому, как она в свое время элиминировала старинные языки и диалекты. Но действовать таким логически последовательным образом она, к счастью, не готова. Внезапно она вспомнила о другом полюсе языковой антиномии: необходимо всестороннее использование и развитие собственного, т. е. именно французского языка. Этот поворот только тогда будет вызывать доверие, когда и другие языки будут считаться ценными и обладающими особыми качествами. Защита французского по отношению к революционному глобальному языку может быть только тогда успешной, когда и к индивидуальным особенностям других языков относятся с любовью. Это стало понятным французским политикам, и они ссылаются в своей защите французского языка, как, например, премьер-министр Раффарэн⁹ в предисловии к ежегодному докладу «Организации для изучения и защиты французского языка и других языков Франции»¹⁰. Когда говорится «*pluralisme*», подразумевается сохранение языка республики: «*assurer sur notre territoire la primauté du français, langue de la République*» (обеспечить на нашей территории приоритет французского языка, языка Республики), так же как и сохранение языков старинной, еще примитивной Франции, региональных языков: «*veiller a la pérennité des langues régionales*» («обеспечить длительное (вечное) существование региональных языков»). Также подразумеваются и другие языки Европы, на которые французская политика ранее обращала мало внимания: «*soutenir au niveau européen l'apprentissage de deux langues vivants*» («поддерживать на европейском уровне владение двумя живыми европейскими языками»). Но, вероятно, с этим делом уже запоздали, так как

⁸ Joachim Du Bellay — французский поэт и грамматист, много сделавший для исправления и улучшение французского языка.

⁹ Jean-Pierre Raffarin — 165-й премьер-министр Французской республики с 2002 по 2005 год при президенте Жаке Шираке.

¹⁰ Délégation général à la langue française et aux langues du France, см. URL: <https://www.culture.gouv.fr/content/download/93445/840573>

важнейший сосед — Германия — оставила Францию с ее любовью к плюрализму языков на ее территории и к языковым особенностям в одиночестве. Более того, языковая политика Германии в настоящее время направлена против того, к чему стремится Франция. Германия шла с XVIII века по пути филологии, то есть любви к языку, нежели по пути философии, то есть ненависти к нему. Ее крупнейшие мыслители в области языка — Лейбниц, Гердер и Гумбольдт проповедовали симпатию к поэтическому мышлению, нашедшему свое отражение в языках, и некультивированное разнообразие национальных языков. Германия умела сочетать в своем национальном культурном развитии стремление к единому высокоразвитому языку с симпатией к диалектальному разнообразию, она гордилась академической филологией, которая занималась языком во всех его аспектах.

Все это исчезло в рамках и во имя глобализации с помощью неоякобинской политики, которую сама Германия теперь направляет против своего собственного языка. Все общественно значимые области — как нигде в Европе — получают, чем дальше, тем больше, глобально-английские обозначения. Реклама, техника, экономика (они же хозяева положения!) говорят все эксклюзивней и все бессовестней по-глобально-английски — вплоть до счетов за телефон, для оплаты которых немцы должны были знать в определенных пределах английский язык: GermanCall, CityCall, WorldCall — Телеком недавно только временно убрал эти обозначения. Политика следует нога в ногу. Как ранее во времена Жюлья Фери старый дикий язык изгоняется из школы, на его месте распространяется язык прогресса, демократии и просвещения. Вместо «дикого немецкого» в детском саду и начальной школе — ранний английский, самые важные предметы в гимназии — на английском, преподавание в университете — на английском. Просвещенная ненависть немцев направлена на их собственный язык: *la langue sauvage, la langue de sauvages* (дикий язык, язык дикарей), язык, на котором прозвучали самые ужасные, зверские приказы человечества и от которого мы до сих пор не можем избавиться. К цивилизованным народам мы сможем, по всей видимости, снова принадлежать лишь тогда, когда этот язык дикарей останется в прошлом, и мы будем использовать — по меньшей мере, как язык образования, как язык дискурсивных пространств, как высший язык — универсальный язык просвещения и научно-технического прогресса.

Германия догоняет по всей очевидности в области глобализации французскую революцию, Франция идет, как мы видим, старым немецким путем. Это два полностью противоположных ответа на вопрос о революции в языке, о глобальном восстановлении рая. Каково будет решение Европы? Я полагаю, что у французского пути нет шансов. Победит революция, гильотина языков.

Библиографический список / References

- Бэкон Ф. Новый Органон. Афоризмы об истолковании природы и царстве человека // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 12—79.
(Bacon F. New Organon. Aphorisms about the interpretation of nature and the kingdom of man, in Bacon F. Works in 2 vols, Moscow, 1978, vol. 2, pp. 12—79. — In Russ.)
- Кондильяк Э. Боно де. Опыт о происхождении человеческих знаний. Часть вторая: О языке и методе // Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1980. Т. 1. С. 182—300.

(Condillac E. Bonnot de. An essay on the origin of human knowledge. Part two: On language and method, in Condillac E. Bonnot de. Works: in 3 vols, Moscow, 1980, vol. 1, pp. 182—300. — In Russ.)

Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. Книга третья // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. С. 534—582.

(Locke J. Experience about human understanding. Book Three, in Locke J. Works: in 3 vols, Moscow, 1985, vol. 1, pp. 534—582. — In Russ.)

Schlieben-Lange B. Idéologie, révolution et uniformité de la langue. Sprimont: Mardaga, 1996. 276 s.

Trabant J. Der gallische Hercules: Über Sprache und Politik in Frankreich und Deutschland. Tübingen; Basel: A. Francke Verlag, 2002. 283 p.

Перевод принят к публикации 01.09.2022.

The translation accepted for publication 01.09.2022.